

Михаил Шелест

Космический вальс

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Михаил Шелест
Космический вальс

«Автор»

2023

Шелест М. В.

Космический вальс / М. В. Шелест — «Автор», 2023

Продолжение цикла "Изменить будущее", "Спасти настоящее". Герой реализует давнюю мечту.

© Шелест М. В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Михаил Шелест

Космический вальс

Глава 1.

Граница холодного слоя осталась далеко наверху. Полуденные солнечные лучи пробивали толщу воды до самого дна. Я посмотрел на старый аналоговый глубиномер, доставшийся от отца. Манометр служил скорее талисманом и гарантом возвращения на воздух, так как водолазные часы и водолазный компьютер выполняли и эту функцию тоже.

Сорок три метра... А до дна ещё метров пять... Ну, как, до дна, до карниза, за которым скрывалась бездна подводного ущелья.

Автоматически глянув на «запасы воздушной смеси», я мысленно похвалил себя за то, что взял с собой запасной баллон с воздушно-гелиевой смесью. В бездну нырять не очень хотелось, однако весь, отведённый мне квадрат, уже исследован, но ничего необычного обнаружено не было. Исследовано было всё, кроме впадины.

Оставив на уступе маяк для азимута возвращения и отправив наверх сигнал «всё в порядке, продолжаю работу», я замахал длинными крыльями ласт.

Почти отвесная стена опускалось всё глубже и глубже. Восемьдесят метров – мой предыдущий предел. С сотни подниматься минимум полтора часа. Решил, что ниже восьмидесяти не пойду.

Дно ущелья уходило отрицательным уклоном и терялось в сумраке. Сверив место положения по навигатору и планшету, я поплыл вдоль. Мощный фонарь гладил пустынное каменистое дно и вспугивал стайки глазастых японских гипероглифов.

Судя по карте, ущелье выходило из зоны моего поиска метров через сорок, но там и глубина зашкаливала за сотню.

Похожий на описание силуэт я заметил даже не глазами, а кожей. Мой взгляд не концентрировался, а «мазался» по картинке, и кожа вдруг пошла мурашками, словно под сухой водолазный костюм проникла вода.

Объект лежал впереди и чуть ниже меня, под наклоном, опершись краями в скалы и перекрыв пятидесятиметровое ущелье.

– Хрена себе! – Хрюкнул я.

Это был точно не камень. Я бы знал это место. Не сказать, что я обнырял весь Аскольд, но служба в береговой охране знать подводственную акваторию обязывала. Да и перегоразживать чем-то канал прохода подводных лодок, хотя по нему уже давно никто не ходит, никто бы не позволил. И откуда здесь вдруг появиться такому камешку?

Можно было выбрасывать радио буй, но меня остановило простое любопытство. Хотя, ни фига себе, простое. Не каждый день обнаруживаешь объект неземной цивилизации. А после выброски буя, я должен быстро махать ластами, как минимум в сторону.

Успокоив себя тем, что выброшу буй над объектом, заякорив его за поверхность, подплыл к объекту ближе, оставив его под собой. НЛО явно заклинило, и он плотно сидел между скал.

Сверху объект представлял собой равнобедренный треугольник серого цвета. в центре которого зияла рваная дыра. Наша ПВО отработала «в яблочко».

Достав из кармана буй, я вытянул тонкий якорный линь и попытался закрепить его за рваную обшивку космического корабля, но вдруг увидел внутри корпуса мёртвое человеческое тело, стоящее вертикально, но вверх ногами. Рефлёные подошвы обуви мертвеца болтались от меня на расстоянии метров пяти. «В кедах он, что ли? – Мелькнула мысль».

Засунув буй снова в карман, я нырнул в дыру.

Представить, что кто-то, обутый в кеды, раньше меня нашёл НЛО на глубине ста метров, не получалось. Но и пришелец в кедах, тоже не прорисовывался в моём воображении. Пискнул компьютер и сообщил, что надо всплывать, лимит смеси такой-то... Ум, сдавленный одиннадцатью атмосферами, напрягся и выдал: на такой глубине даже с запасным баллоном можно просидеть не больше пятнадцати минут. Однако взглянуть в лицо пришельца хотелось невероятно. До остатка дней себе не прощу, если не увижу, хоть и мёртвые, глаза зелёного человечка.

Тьфу, млять, я уже, что, брежу? Такое бывает, если перестаёшь хорошо дышать на большой глубине. Ну, или от азотного наркоза.

На голове гуманоида, одетом в брюки и куртку, была надета большая прозрачная воздушная маска, шланг от которой тянулся к одинокому пилотному креслу, стоящему в центре небольшого помещения, выглядевшего очень по земному. Неужели наши угрохали землянина? Амера или япа? Вот шуму будет...

Не прикасаясь к раскинутым в сторону рукам гуманоида, я опустил ниже. Не... Не землянин, понял я, разглядев в свете фонаря серое, похожее на птичье лицо.

Штаны и куртка всё-таки оказались сплошным костюмом, как и маска, явившаяся его продолжением. Скафандр! Нам ли не знать! Читали.

На груди у гуманоида что-то мигнуло, и чёрт меня дёрнул попытаться остановить его медленное вращение. Удар тока сотряс моё тело, и я потерял сознание.

* * *

Умшу снова получил возможность ощущать окружающее пространство не только с помощью внешних корабельных сенсоров, но и с помощью органов чувств реципиента. Правда, зрение временно отсутствовало, зато все остальные рецепторы возбудили Умшу и он наполнился собственным чувством. Чувством благодарности.

Центральная нервная система существа работала исправно и поступающие от рецепторов сигналы успокаивали Умшу и вселяли надежду на дальнейшее его существование. А совсем недавно жить Умшу оставалось очень недолго.

Однако его новый «сожитель» не торопился приходить в сознание и Умшу забеспокоился. Похоже, он плохо рассчитал заряд энергоперехода и в статистическо-аналоговом центре объекта перегорели предохранители.

Умшу просканировал нейронные связи и переключил потоки информации мимо заблокированных переходов. Однако его «партнёр» не приходил в полное сознание.

Просканировав оперативную память объекта, Умшу встревожился. Тело по своим характеристикам, оказывается, не соответствовало среде его нахождения и сейчас подвергалось серьёзной опасности. Умшу почувствовал избыточное давление на «своё» тело и то, как это негативно сказывается на физиологические процессы.

Он обратил внимание, что орган, перекачивающий животворную жидкость, сокращается вяло, и понял, что именно поэтому мыслительный процесс и остальные функции только что приобретённого им организма не запускались, или работали на холостых оборотах.

– Странное существо, – подумал Умшу. – Что оно здесь делает, если это не его среда обитания?

Оперативная память тела напоминала Умшу, что запас газовой смеси в ёмкостях ограничен и телу необходимо подниматься из глубины вверх. И тут, до Умшу дошло, что объект – такой же организм, как и его предыдущий «партнёр» и находится здесь, скорее всего, с целью исследования. Более глубокое сканирование его памяти подтвердило предположения Умшу и заставило пересмотреть планы.

К сожалению, Умшу не мог, почему-то, проникнуть в сознание организма, в его глубокую память. Но сейчас ему было достаточно и полученной информации. Информации о том, что вновь обретенное им тело умирало.

Умшу занялся раскодированием команд, управлявшими жизненными процессами. Начал он с насоса, снабжавшего тело окислителем энергетических реакторов, коих Умшу насчитал одна тысяча двести двадцать четыре штуки.

Хорошо, что в ЦПУ команды хранились организованно. Тело, вероятно, было хорошо подготовлено и само-организованно.

Умшу не стал мудрствовать и замерил количество электрических сигналов, поступающих в орган и нашёл место, отвечающее за их подачу. Это был небольшой клеточный узел, расположенный в мышечной стенке насоса.

Искусственно добавив насосу электрический потенциал, Умшу почувствовал, что наполняемость тела окислителем улучшилась. А после того, как он увеличил объём забора газовой смеси во внутренние газообменники организма, тело стало оживать. Лучше заработали сенсоры и рецепторы, выровнялась температура, перегоревшие нейронные связи стали восстанавливаться.

Это тело было лучше собрано и настроено, хотя и было менее защищено, по сравнению с предыдущим, а его управляющие модули лучше само-организованы и не требовали внешнего воздействия.

В принципе, все биологические формы организованы и управляются одинаково, – усмехнулся Умшу. – По образу и подобию, так сказать.

Умшу не додумал, что по образу и подобию его далёких предков. И подобие было не в форме, а в содержании. В энергетическом содержании, потому, что в его «продвинутом» мире разум стал формой жизни и мог перемещаться из одного биологического объекта в другой. И потому, жил вечно.

Хотя, откровенности ради надо сказать, что кроме как в его мире по такому пути эволюция нигде больше не пошла. У других цивилизаций разум в организмах имел стационарную форму существования, привязанную к одному телу. И перемещаться в такие биологические объекты в иных мирах не рекомендовалось. Такой симбиоз имел бы негативные последствия для обеих энергетических сущностей.

– Беда-а-а... – Сам себе сказал Умшу, почесав голову.

Его пальцы коснулись прорезиненной поверхности костюма, и Умшу понял, что тело заработало, но его разум ещё не включился. Умшу вспомнил, что надо выбираться и зашевелил конечностями. У него имелся опыт вселения в водоплавающих ящеров и он мог передвигаться под водой. На это он и рассчитывал, переселяясь в чужой организм. Сканеры корабля сообщали ему о множестве биологических форм, обитавших рядом и он надеялся, что именно такую форму и привлёк свет его скафандра.

Умшу поднимался медленно. Он знал, что резкий перепад давления хоть в одну, хоть в другую сторону чреват разрушением организма.

Опыт – сын ошибок, а опыта эксплуатации биотел у тохов, как называли себя сородичи Умшу, был огромный.

* * *

Я очнулся от того, что надо мной кричали чайки и волны норовили заполнить мой широко открытый рот. Руки и ноги работали, разворачивая тело, но парусность и развесовка аппарата разворачивала меня лицом к ветру.

Первым делом рука рванула аварийный клапан и организм физически почувствовал, как в эфир понеслись сигналы «сос». Покрутившись, поискав глазами «своих» и никого в волнах не увидев, я попытался подкачать компенсатор плавучести, но баллоны оказались пусты.

О, как! Как же я всплывал?! – Представил и ужаснулся.

Сплюнул. Крови нет. Голова не болит. Мышцы не болят. Онемения нет. Чудеса! И тут я вспомнил про НЛЮ. Мацнул карманы с зондами. На месте. Вот блин! Не отметил! Провалил задание! Но что это было?! Электричество под водой?! Не вероятно! Скат Морсби? Но я весь

такой прорезиненный... Так... Шучу... Это хорошо. Но скоро мне будет не до шуток... Да, мне уже и сейчас не до шуток.

Волнение усиливалось, но я выровнял компенсатором тело, вручную подкачав ворот, грудь и выкинув два груза. Вскоре послышался стрёкот вертолётa, а чуть позже подрулил «зодиак». Карабин щёлкнул на бортовой скобе, лодка чуть ускорилаcь, я шевельнул ластами и оказался в «зодиаке».

– Ты где потерялся, товарищ полковник? – Спросил Разводящий.

– В «щель» нырял, – кряхтя ответил я, расстёгивая и стягивая жилет с баллонами.

– Лихо ты с тремя «дурами» и поясом на борт вознёcся. Не устал, что ли?

Потом до него дошло.

– В щель? Там же сотка. Охренел? На воздухе?

– Один баллон с гелием. Командир в курсе.

– А-а-а... – Облегчённо вздохнул мичман. – Нигде не зудит? Не болит? Не тошнит?

– Нет, вроде...

– Ну... Всё равно, посиди, подыши. На водички...

Мичман надел на меня кислородную маску и помог сесть.

Я сам с удивлением прислушивался к своим ощущениям и не чувствовал даже усталости. Что же мне сказать коллегам? Что я всплыл с сотни метров, как мешок с дерьмом на отрицательной плавучести? Такого не бывает! Мой опыт погружения на такие глубины и главное – всплытия не позволял даже предположить подобное. Никто и не поверит. Потерял сознание на сотне, значит умер. Никто и не ходит на сотню в одиночку. Там так ластами намашешься при подъёме, что...

– Ну, ты, однако, придурок, товарищ полковник.

Мичмана я знал лет пятнадцать, как и он меня, поэтому на «придурка» не обиделся. Придурок и есть... Что тут скажешь. А Палыч лох в нырянии, вот и разрешил.

Я вздохнул и хлебнул водички. Рассказывать про НЛО, почему-то, не хотелось.

Зодиак высоко подбрасывало на шедших накатом волнах. Ёкала селезёнка и щекотало в паху.

Так и не найдя достойного объяснения «своего поведения», на борт катера я поднимался грустно. В конце концов мог же я не увидеть его? Компьютер, сука, нарисует, где был и что делал...

Весь отряд боевых пловцов находился на борту катера.

– Пусто? – Спросил командир.

– Пусто, – вздохнул я.

– В каньон нырял?

– Нырял.

Владимир Палыч протянул руку за планшетом, ткнул его пальцем. Для чего-то встряхнул. Ещё раз ткнул кнопку включения.

– Ты его, что, не включал?

– Что значит не включал? Его и не я включал, а мичман. Раз пять сверял маршрут... Ну ка, дай...

Планшет, действительно, молчал.

– И сигналы мы от тебя получали, – выпятив губу, как обиженный ребёнок, сказал «кап-два». Палыч, будучи заместителем командира отряда по диверсионной «работе», исполнял не свойственные ему функции командира сводного поискового отряда, и «нервничал за результат».

– Но ты там точно ничего не нашёл? – Спросил он.

– Не нашёл, – густо краснея, сказал я.

– Померьте давление, что-то красный он, и в барокамеру его, – скомандовал «зам-по-дэ».

Я вздрогнул.

* * *

Умшу затаился, растёкшись квантами по всему организму реципиента, приглядывался и прислушивался. Прислушивался к внутренним ощущениям нового тела в благоприятной для него среде, внешним звуковым колебаниям, приглядывался к окружающей обстановке. Однако, как ни пытался, но проникнуть в отделы долгой памяти и центры управления при включённом разуме – «симбионте» не смог. И это сильно расстраивало Умшу. Но и только. Злиться тохи не умели. Зато умели ждать. Куда торопиться, когда впереди вечность?

Тело нового «партнёра» оказалось плохо приспособленным к окружающей его среде. И это показалось Умшу странным. Ресурсов в организме имелось в избытке, но разум необходимые для перестройки телу команды не отдавал.

Проанализировав сигналы, поступающие в анализатор, тох с удивлением понял, что в человеке, так себя называли аборигены, не один, а несколько центров принятия решений. Анализатор выполнял общие управленческие полномочия и имел самый большой объем нейронов и ресурс потребляемой энергии. Остальные центры локально отвечали за важнейшие функции организма, на пример: репродуктивные, и пищеварительные. Иногда локальные центры людей начинали доминировать над центральным. И это Умшу поразило.

Из-за общего категорического запрета на вмешательство в организмы разумных существ, имеющих стационарные мыслительно-энергетические центры, тохи совершенно не знали их «изнутри». Тох вынуждены были коммуницировать с развитыми цивилизациями, так как занимали практически центральный сегмент галактики и были окружены ими.

Естественно, цивилизация тохов объективно считалась наиболее развитой. Одной из особенностей тохов было любопытство и жажда познания. Это, вероятно, и послужило причиной развития разума в энергетическую сущность.

Тох не раскрывали свою сущность другим разумным. В торговых операциях, во время политических контактов она выступали в образе гуманоидов. Иногда тохам приходилось воевать, но они уже так давно не терпели поражений, что желающие попробовать тохов на «слабо» закончились.

Как уже говорилось, тохи были настолько любопытны, что интересовались всем и разными способами. Поэтому разведка и диверсионные мероприятия, а без них ни одна политика не делается, были у тохов на высоте. Способность внедряться в любое биологическое тело, позволяла проникать в совершенно недоступные для гуманоида места и выполнять все необходимые тайные операции.

За время эволюции тохи искусственно «эволюционировали» и тела гуманоидов-симбионтов укрепив их, и развив в нужных направлениях. Они научились снимать блокаторы, останавливающие процессы превращения человеческого организма в иные формы жизни, например, вывели человека-лягушку, человека-птицу. Но и «простыми» воздействиями на организмы изнутри, превратили тела симбионтов в универсальных существ: сильных, выносливых, ловких.

Попав в несовершенное тело, Умшу сначала испугался, потом заскучал, а через пару дней воспрял духом. Он давно не занимался развитием тела «с нуля». Несколько тысячелетий тохи развивали новорожденных «партнёров» по стандартным параметрам. Гуманоиды рождались совершенно неразумными, только с базовыми инстинктами. Тох, ответственные за их «эволюцию», настраивали функции новорожденных и контролировали их преобразование до нужной кондиции. Процесс был долгим и тело приходило в норму примерно к своему полному созреванию.

Тела симбионтов жили долго, так как их организмы были настроены на регенерацию, что отнимало немало энергии, но организм вырабатывал излишки, а энергия к разуму поступала

извне. Однако приходило время, когда организм симбионта разрушался за считанные дни. Эта задача для тохов оставалась неразрешимой и ею продолжали заниматься все тохи Сандары.

Сейчас перед Умшу стояла задача, которую не решал никто из тохов. Ему нужно было преобразовать не только полностью сформировавшееся тело, но и уже подвергшееся возрастным деформациям.

* * *

Я провёл в барокамере трое суток. Врачи обнаружили изменения в сердечных ритмах и взялись за меня плотно и через два дня резюмировали:

– У тебя, товарищ полковник, присутствуют признаки кардиомегалии.

Мне стало грустно. Если доктора выявили проблемы с сердцем, службе пришёл конец. С меня живого они не слезут.

– Признаки, или конкретно?

Доктор усмехнулся.

– А, что такое кардиомегалия ты, значит, знаешь?

– Да, и ладно, если честно! Проблемы с кардио, значит службе амба.

Доктор хмыкнул.

– Не горячись, товарищ полковник. Сердце у тебя увеличено, но, вроде как равномерно. Болей у тебя нет, шумов, утомляемости нет, потливость нормальная, отдышка отсутствует. Ты в хорошем физическом состоянии. Однако...

– Ох, это мне «однако», – подумал я.

– Надо понаблюдаться. У мужиков кардиомегалия, это через пять лет смерть в девяти случаях из десяти.

– Да и ладно, – облегчённо вздохнул я. – Пять лет – тоже неплохо.

– Оптимист ты, товарищ полковник, – сказал и от души заржал доктор. – Короче, так... Выписываю тебе направление на обследование. Полежишь недельку в госпитале, поухаживаешь за медсестричками. Так и не женился второй раз?

– А зачем? Мне и первой хватает...

– Ты ж, вроде, того?

– Помирились... Давно уже...

– Молодца.

* * *

Умшу легко расшифровал язык своего реципиента и стал понимать, что своими действиями может навредить его статусу. Реципиент оказался не из числа простых обывателей, а человеком, исполняющим функции их защитника от вторжения иных форм жизни. Как, например, тохов. Это осложнило положение Умшу, которому как-то надо было раскрыться Михаилу. Так именовали симбионта окружающие.

Умшу понимал, что Михаил почему-то не выдал местоположение челнока, и это вселяло в Умшу надежду, что контакт произойдёт «нежно» и без нервных срывов.

Тох не знал, о чём думает симбионт, но в оперативную память нет-нет да попадала информация о челноке и о погибшем «исследователе».

Усиление животворного насоса уже привело симбионта в клинику, где его тело начали изучать. Умшу даже забеспокоился, что могут обнаружить и его, но оборудование клиники оказалось настолько отсталым, что его возможности с трудом давали относительно объективную информацию о теле. И то, только на уровне простейших технологий сканирования. О полном анализе процессов организма эта цивилизация могла только мечтать. И мечтала, судя по разочарованным высказываниям исследовавших тело специалистов.

* * *

– Нет, Шелест, – с сожалением сказал военврач. – Ничего отрицательного про ваш организм сказать не могу. Сердце увеличено, да, но функционирует полноценно. Сбои произошли

от глубоководного погружения. Скорее всего... Мы тут с коллегами совещались-совещались, но к единому мнению так и не пришли. Те ритмы, что показали приборы во время декомпрессии куда-то бесследно исчезли. Так, в общем-то, бывает иногда, но...

– Я здоров или нет? – Спросил я. – Вы меня отпускаете?

Капитан первого ранга почесал подбородок.

– Очень не хотелось бы, но оснований задерживать вас нет. Командование ваше нас задержало. Говорят, стоит процесс подготовки каких-то специальных групп.

– Так... Это... Вроде, как есть потребность флота.

– Ну ладно-ладно... Это ваши хитрости... И нам знать о них ни к чему.

– «Да, кто тебе и скажет-то?», – подумал я.

На остров мы добирались вместе с Палычем на его машине. Он как раз торчал в штабе флота и забрал меня из госпиталя, когда я ему позвонил. Сентябрь заканчивался, и ветры посрывали всю листву. Остров насторожился в ожидании зимы. Я давно замечал это и чувствовал его напряжение, которое будет держаться до первого снега и совсем исчезнет с замерзанием бухты. Но нас в это время обычно сплавляли куда-нибудь на юга, оставляя объекты под охраной техники.

Я отказался от предложения Палыча «накатить» и отправился в свой «коттедж». Позиция вечного прикомандированного к отряду давала преимущество в организации моего быта, как представителя контразведки ТОФа. Вот я и воспользовался законными привилегиями, выбив себе еще лет семь назад строительство небольшого домика о трёх комнатах из валявшихся триста лет на территории сэндвич-панелей.

Лёжа на спине думалось лучше. Хотя и в госпитале время подумать было, но ни к чему мои думки так и не пришли. В очередной раз перед глазами всплыли рифлёные подошвы инопланетянина, когда ко мне постучали.

– Входи! Кто там такой несмелый?! Ты, Палыч?! – Резко спросил я.

Однако в дверь никто не вошёл, а в голове, кто-то кашлянул и произнёс:

– Кхе-кхе... Я прошу извинения, товарищ полковник, что потревожил ваши размышления, но обстоятельства обязывают меня обратиться к вам за помощью.

Сказать, что я удивился? Не скажу. Я вздрогнул так, что содрогнулся дом. Я заорал и вскочил с раскладного кресла-шезлонга, на котором я полулёжа созерцал из застеклённой до самого пола веранды серый океан. Я схватился за голову и хотел с разбега разбить её о тройной стеклопакет. Однако, что-то меня остановило. Меня остановило очередное: «Кхе-кхе, я извиняюсь...»

Разве так сходят с ума? Хотя...

– Ты кто? – Спросил я.

– Кхе-кхе... Я? По-вашему, я – инопланетянин. И, вы только не пугайтесь, я вселился в вас.

– Хрена себе, не пугайтесь. Чистейшая шизофрения.

Мои ноги сами по себе забегали по веранде. Веранда была моей гордостью. Её мне построил мой друг Сашка за совсем смешные деньги. Она была огромной и в ней почти ничего не было, кроме пары кресел и небольшого столика.

– Вот же ж, млять! – Вырвалось у меня матовое слово.

– Ни чего страшного не произошло. Вы не сошли с ума. И я докажу вам это, как только вы успокоитесь и сами позовёте меня. До этого я отключаюсь. Меня, кстати, зовут Умшу.

Голос в голове звучал чётко и правильно, и напоминал голос военврача. Он, действительно больше меня не тревожил, а мне вдруг приспичило, и я понёсся в ещё одно моё любимейшее помещение, которое мне отстраивал мой друг Пашка.

Потом я поужинал закупленными в городе продуктами, заварил себе шикарный кофе, который в госпитале мне, по естественным причинам, не давали, и сел перед телевизором, включив «Соловьева».

Умные люди обсуждали нашу спецоперацию. Шли её сотые сутки. Долго выдерживать эти «токшоу» я не мог и телевизор вскоре выключил. Для меня в этом мире всё давно было логично и понятно, и чужие рассуждения на тему геополитики, а это была именно она, меня утомляли. И вот, на тебе, голос в голове. Приплыли, называется.

Снова выйдя на веранду и включив подогрев пола, уселся в шезлонг и уставился в море.
– Ладно, заходи, раз постучался, – сказал я.

Глава 2.

– Извини, брат по разуму, «на это я пойтить не могу». У меня и здесь дел по гланды. У нас тут... о-го-го... Дела заворачиваются, а я «фыр тайга?». Не до того. Вот, помоги, врагов победить, тогда и обсудим твоё возвращение.

– Многого то я и не прошу. Мы с тобой в корабль вернёмся, отправим сигнал и всё. За мной прилетят. А я тебе за это тело твоё поправлю. Я уже начал процесс регенерации. Нам всё равно ждать с полгода придётся, а тельце у тебя... так себе.

– Но-но! Я попрошу!

Я всё же раскупорил заначку «коктебеля», то есть Санькиного самогона и, разбавив швепсом в круглом бокале, посасывал коктейль из трубочки, сидя в том же шезлонге.

– Ручное оружие на челноке имеется? – Спросил я.

– Конечно! – Сказал Умшу. – И индивидуальные средства защиты... У вас на земле таких нет. Заберёшь себе. Мне не жалко!

– А как же закон о невмешательстве в развитие других цивилизаций?

– Не понял... Что за закон? У вас есть такой закон?

– Да, нет, не у нас, – усмехнулся я. – У вас...

– У нас такого закона нет, – сказал Умшу, и мои плечи дёрнулись.

– Ты это, что? – Удивился я. – Мной управлять можешь? Ты это брось!

– Извини, я не хотел. А ты не расслабляйся.

– Ага... Значит так? Не расслабляйте булки в кругу друзей! Не вздумай ещё раз повторить. Я насилия над собой не потерплю. Ствол к башке и мозги наружу. И «не жди меня мама...». У тебя мама есть?

– У нас нет понятия деторождения. Мы все конечный продукт эволюции и размножаться нам нет смысла. Мы, в общем-то, единое целое. В пределах нашей системы, правда. Трудно объяснить.

– Ну, нет, так нет. А община ваша за тебя расстроится?

– Не то слово. Смерть каждой сущности – невосполнимая утрата для нашего общества. Мы, вообще-то, не покидаем систему в одиночку.

– Не понял, – нахмурился я. – Ты хочешь сказать, что в корабле...

У меня перехватило дыхание.

– Да, там ещё пять моих братьев, но они, во время вашей атаки, находились в более выгодном, чем я положении. Всё дело в том, что в нашей системе мы питаемся от её энергетического потенциала, а вне её, или от симбионта, или от батареи. Я пилотировал челнок и был подключён к его системе, но ваша ракета попала точно в реактор. Мой партнёр погиб, а питание отключилось. Вот я и... завис... Симбионты моих друзей тоже погибли, но у них есть батареи, на которых они могут продержаться долго, если перейдут в «режим ожидания». Очень долго... По-вашему – это могут быть столетия.

От услышанного я охренел. Получается, что на борту минимум шесть единиц ручного оружия и снаряжения. Комплекцию инопланетянина я видел. Почти как я.

– Снаряжение индивидуальное у вас?

– Я понял тебя сразу...

– Ты и мысли мои читаешь? – Возмутился я.

– Ты извини, но когда мы общаемся, – да. Но ты не бойся...

– Мне нечего бояться, – сказал я. – Но там и грифовая информация имеется. Надо с тебя подписку о неразглашении взять.

– Все ваши тайны для нас – ничто. И средства их защиты, кстати, тоже. Ты думаешь, кто компьютер твой водолазный отключил?

Я задёргался от кашля. Коктейль промазал мимо глотки.

– Ну, ты... кхэ-кхэ... Серьёзно, что ли? Кхэ-кхэ... Можешь взломать? Кхэ-кхэ...

– А что там ломать? Всё наружу торчит... Только пересказывать долго, а как ваши технические средства перенастроить, чтобы они дешифровывали, я пока не знаю. Пока... – уточнил Умшу. – Опять же, мне нужно взять кое-что в челноке для этого.

Я в предвкушении потёр ладони.

Шесть прокачанных бойцов в инопланетной броне и с инопланетным оружием – это... О-го-го!

– А боекомплект?

– Там всего достаточно. Мы летели поохотиться. Почему-то ваша планета значитесь как дикий не разумный мир. Вот мы и решили прокатиться на другой край галактики.

– И про-ка-ти-лись, – совсем не злорадно произнёс я, думая о другом. – Так и что? Индивидуальные размеры?

– Не совсем... Как бы тебе объяснить... Снаряжение и оружие, это не вещи в вашем понимании. Это биологические объекты, подстраивающиеся под носителя и работают они только с тохами. Понятно? Никто другой воспользоваться ими не сможет.

Я почему-то так и думал. Или это мне мысли моего брата по разуму становятся доступны?

– Интересно, интересно...

– Ты думаешь воспользоваться всем нашим оборудованием?

– А возможно? Твои друзья не воспротивятся?

– Я же тебе говорил, что мы – единый организм. Что решил один – принимается всеми.

– Но, это в вашей системе, а тут?

– Тут, кто первый, тот и доминирует. Сейчас первый я.

– А оружие ваше сильное?

– Не думаю, что уровень ваших технологий приблизился к нему хотя бы на один процент.

– А как же вас подбили?

– Мы были беспечны. Защита была отключена. Мы сэкономили энергию. То ли ваша звезда скупа, то ли над планетой стоит щит, но мы сразу почувствовали не приток энергии, а отток. Не понятно почему...

– Так вам снизу попали или сверху?

– У корабля нет ни низа, ни верха. Капсула управления находится всегда в одном положении по отношению к гравитации. Когда в нас попали, это был низ.

– Понятно. Как на тебя действует алкоголь?

– Твой напиток? Никак. Я не подключён к твоему вестибулярному аппарату. Сейчас я вижу, что наблюдается некоторая расфокусировка зрительных органов, но я могу это поправить.

– А, ну ка?

– Момент...

Я хмыкнул. Всё что пил, всё зря. Начавшиеся было разъезжаться глаза, снова смотрели в одну точку.

– Удобно. А алкоголь в крови?

– Могу вплеснуть тебе фермент и через полчаса будешь чист, как стекло. Хотя у тебя и так он в избытке и алкоголь перерабатывается почти мгновенно.

– Понятно. Не надо. Но будем иметь ввиду. А так, хоть усну быстрее.

Засыпая, я рисовал себе картинки «взятия Бастилии» космическими пришельцами, но потом утомился и уснул.

* * *

Моя жизнь изменилась резко. Не в плане распорядка дня, а в плане умственных концентраций и усилий. Мне не хотелось отдавать контроль над своим организмом какому-то при-

шельцу. Фильмы про «паразитов» учили нас, что паразит на то и паразит, что использует тело для собственных нужд. Мне пришлось вспомнить, чему нас учили психологи и, после некоторых усилий над собой, отключил концентрацию внимания зрения и слуха и сконцентрировал внимание на внутренних процессах. Попутно попытался заблокировать мозг.

Не знаю, удалось ли мне последнее, но процессы по изменению своего организма я почувствовал. «Брат по разуму» удивился моими способностями и усилил их. Он пояснил, что мой контроль поможет не навредить организму, но попросил не пугаться вдруг появившимся «наполнениям» в каких-либо участках тела. Но я, откровенно говоря, ни черта не понимал, что происходит, а потому и вмешиваться в процесс совершенствования моего организма не считал возможным.

Мою деконцентрацию заметили сослуживцы и Первым ко мне подошёл Палыч.

– Тебя, Миша, на химию подсадили в госпитале? – Спросил он.

– Ага, дождётся от них, – с деланным вздохом сожаления ответил я. – С какой целью интересуетесь?

– Взгляд у тебя размазанный и погружённый в себя. Переоценил свои возможности с нырянием? Перепрошиваешься?

– Что-то типа того. Да и... Честно говоря, на глубине свыше ста я видел силуэт в каньоне... Вода мутная, видимость метров десять и дальше сумрак. В канале ничего такого быть не должно, а похоже, что было...

– Моряки прочесали сканерами канал раз пять. Нет там ничего. Кит, наверное, отдыхал. Они там часто стоят против течения. Планктон жрут. Сам видел.

– Ну да, ну да... Возможно это был «бульон», а не муть... Но гложет меня совесть, Палыч. Может нырнём ещё раз?

– На сотню?! – Удивился капдва. – Охренел?! Я если дно на такой глубине увижу, меня сразу кондратий хватит. У меня же болезнь... Эта, как его... Батофобия!

– Батофобия – это боязнь бездны.

– А у меня наоборот, как дно на глубине увижу, панические атаки... Самому стыдно... До пятидесяти ничего, а дальше не могу... Я почему и в инструкторы по... «этому», э-э-э... пошёл.

– Ну так наверху посторожи, а я нырну в том месте. Я глубоко не пойду. На течение лягу и вниз с грузами. Делов-то на полчаса. Зато, если найдём... Э-э-эх...

Я сладострастно потянулся. Мы сидели в «красном уголке».

– Ну, да... Плюшек можно огрести немеряно. Причём в обратном эквиваленте. За недоработку... Если найдём, взгребут так, что долго стоя сидеть будем.

– Я возьму всё на себя, – сказал я так уверенно, что Палыч понял, что отвертеться ему не удастся. Он знал, что текст записи этого разговора уже сегодня ляжет на стол куратора, ведь «контора» писала не останавливаясь.

Палыч поморщился и махнул рукой.

– Пиши рапорт, но пойдёшь сам. Все пловцы расписаны по объектам, а курсантов я тебе не дам.

На том и порешили.

Мы прицелились по радиомаяку, забытому мной на подводном утесе, за которым решил нырнуть сам Палыч, за что ему огромное спасибо. Мы же с мичманом и рулевым матросом на «зодиак» прошли вдоль туннеля, и я нырнул.

Течение плавно несло меня по наклонной вниз и через минуты три я увидел тень, напоминающую ската манту. Ничего за неделю не изменилось. Дыра и чужие «тапки» встретили меня как родного.

Помещение рубки имело куполообразную форму. Кроме пилотского кресла по периметру имелись открытые капсулы, углублённые в переборку. В пяти из них находились тела

«друзей» Умшу. Они сидели в жёстких скафандрах и сферических прозрачных расколотых или треснутых шлемах. Глаза у всех были закрыты, скафандры деформированы. Ни экранов, ни кнопок или рычагов на полусфере я не увидел. Только гладкая поверхность.

– Надо было капсулы защитным полем закрыть, да кто же знал, – подал голос Умшу. – Вон тот рычаг поверни.

Я понял, какой рычаг и удивился его конструкции. Это была поворотная выпуклая поверхность с тремя отверстиями для пальцев. На удивление она провернулась легко и осталась в моих руках.

– Брось его, – сказал Умшу, и диск, как сухой лист, опустился на палубу корабля.

– Засунь руку и потяни на себя скобу.

Я засунул и подумал: «Сейчас как... рванёт».

– Тяни, не бойся, – усмехнулся Умшу.

Скоба вышла наружу и осталась у меня в руке.

– Это маяк, по которому нас найдут. Всё! Теперь, как ты говоришь, имущество. Оно всё находится в спасательных ботах. Поверни тот рычаг...

Корпус корабля дрогнул трижды. Боты отстрелились и ушли в открытое море.

– Сейчас их наши «Сирены» поймают и утопят.

– Это вряд ли, – совсем по Суховски ответил Умшу. – Я включил максимальную защиту.

Ваши сканеры же не обнаружили корабль.

– Он статичен, а от ботов такая волна пошла, что её и на Камчатке услышали.

– Так сюда они все и сбегутся, а боты уже уплыли.

– Шуму будет... Как я понял, друзья твои в ботах?

– Да. Все дела сделаны. Выпускай зонд.

Я накинул петлю прямо на ногу пилота и выпустил радиобуй.

* * *

Когда я поднялся из глубины, над буюм уже кружился вертолёт. Меня отнесло метров на сто пятьдесят в сторону Дуная, но «зодиак» спозиционировал себя правильно и поймал меня сразу после всплытия. Мне даже не пришлось шевелить лапами, как меня втянули заботливые руки мичмана и Палыча.

– Что там? – Спросили они разом.

– НЛО, – просто сказал я.

– Писец, – проговорил Палыч.

– О, бля! – Изумился мичман. – Блюдце?

– Треугольник.

– Заткнись, – грубо одёрнул меня Палыч.

– Сам такой, – огрызнулся я. – Кислороду мне дайте и водички.

Коллеги опомнились и засуетились вокруг. Теперь я стал источником информации, который надо было сохранить любой ценой.

Меня начали допрашивать сразу, как только я поднялся по трапу водолазного катера. Главным вопросом был: «Почему так долго находился на объекте?». Я умысел отрицал и утверждал, что совсем не долго. Увидел, подплыл, попытался закрепить линь за рваную обшивку, не получилось и накинул петлю на ногу пришельца. Последнее выбивало следователей одного за другим. Всего их было трое. В конце концов они втроём накинулись на меня и стали пытаться рвать меня, но мне были по барабану их попытки воздействовать на меня психически. У меня был Умшу, которому я доверил своё эмоциональное состояние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.